

RU

Морфологические маркеры татарских говоров Пензенской и Ульяновской областей

Булатова М. Р.

Аннотация. Цель исследования – интерпретация морфологических маркеров говоров татар определенного ареала – Ульяновской и Пензенской областей. Данные регионы территориально относятся к ареалу распространения хвалынского, мелекесского, карсунского, кузнецкого и темниковского говоров западного диалекта татарского языка. Весь приводимый лингвистический материал сравнивается с другими диалектами и говорами татарского языка, а также, при необходимости, с другими тюркскими языками. Научная новизна нашей работы обусловлена выявлением морфологических признаков, маркирующих язык татар исследуемой территории, т. е. интерпретацией грамматических особенностей, присущих всем татарским говорам данного ареала, но отличающихся от других ареалов западного, восточного и среднего диалектов. В результате проведенной работы установлено, что по своей частеречной характеристике хвалынский, мелекесский, карсунский, кузнецкий и темниковский говоры близки к друг другу; зафиксированы разные специфичные явления; обнаружены особенности, которые присущи древним письменным памятникам, старотатарскому литературному языку, а также современному тюркскому языку. Исследование основано на материалах, собранных автором в результате экспедиций 2017-2019 гг. к носителям западного диалекта вышеуказанных областей.

EN

Morphological markers of Tatar sub-dialects of the Penza and Ulyanovsk regions

M. R. Bulatova

Abstract. The study aims to interpret the morphological markers of Tatar sub-dialects in a specific area – the Ulyanovsk and Penza regions. These regions territorially belong to the area of distribution of the Khvalynsk, Melekes, Karsun, Kuznetsk and Temnikov sub-dialects of the Western dialect of the Tatar language. All the presented linguistic material is compared with other dialects and sub-dialects of the Tatar language and, if necessary, with other Turkic languages. The scientific novelty of our work is determined by the identification of morphological features that mark the language of the Tatars of the studied territory, i.e., the interpretation of grammatical features inherent in all Tatar sub-dialects of this area and distinguishing them from other areas of the Western, Eastern and Middle dialects. As a result of the work, it was established that, according to their part-of-speech characteristics, the Khvalynsk, Melekes, Karsun, Kuznetsk and Temnikov sub-dialects are close to each other; specific phenomena were recorded; features were discovered that are inherent in ancient written monuments, the Old Tatar literary language, as well as modern Turkic languages. The study is based on materials collected by the author as a result of expeditions in 2017-2019 to native speakers of the Western dialect of the above-mentioned regions.

Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что выделение лингвистических маркеров в диалектах и говорах вносит определенный вклад в изучение истории образования татарского языка, а также этногенеза татар. Территориальный диалект (от греч. *dialektos* – говор, наречие) – разновидность общенародного языка; обладает фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями, которые маркируют язык какого-либо народа на определенной территории. Как и в большинстве других тюркских языков, в татарской диалектологии по всем говорам и диалектам (средний (*казанско-татарский*), западный (*мишарский*), восточный (*сибирско-татарский*)) собран богатый фактический материал, в связи с чем возникает необходимость ареального, комплексного исследования и обобщения полученных материалов с итогами сравнительно-исторического анализа других родственных языков. Результаты такого исследования позволяют установить эволюцию языковых явлений. В данной работе комплексно рассматриваются несколько говоров определенного ареала, а именно на территориях Пензенской и Ульяновской областей, и анализируются их морфологические маркеры.

Исследуемые регионы издревле были заселены тюркскими и финно-угорскими племенами, эти земли входили в состав Волжской Булгарии и Золотой Орды. Для защиты границ Российской империи от набегов кочевников в XVI-XVII вв. территория Сурского края, или Дикое поле, активно заселялась, в том числе и служилыми татарами, принимавшими активное участие в строительстве засечных черт Алатырь, Темников, Арзамас, Керенск, Пенза и др. (Этнотерриториальные группы..., 2002). На сегодняшний день в Пензенской и Ульяновской областях порядка 120 татарских населенных пунктов.

В 2017-2022 гг. учеными Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана было проведено несколько комплексных экспедиций в татарские деревни Ульяновской и Пензенской областей. Всего были исследованы более 70 татарских населенных пунктов. В состав экспедиции входили диалектологи, фольклористы, этномузикологи, археографы, эпиграфисты и искусствоведы. Комплексный характер исследования позволяет составить представление о культуре жителей изучаемых регионов.

Татары указываемых областей относятся к этнической группе мишарей. По современному диалектному членению татарского языка здесь ареально распространен западный (мишарский) диалект. По характеру совокупности языковых особенностей в Пензенской области выделяются *кузнецкий* (в Неверкинском, Кузнецком, Сосновоборском, Шемьшейском, Лопатинском и др. районах), *темниковский* (в Каменском, Белинском, Вадинском, Пачелмском районах) говоры; в Ульяновской области – *хвалынский* (в Николаевском, Старокулаткинском, Павловском районах), карсунский (в Инзенском, Карсунском районах), *мелекесский* (в Мелекесском и др. районах) говоры западного диалекта.

Достижение поставленной нами цели требует решения следующих задач: изучить говоры рассматриваемого ареала; выявить их общие особенности в системе грамматических категорий; провести сравнительный анализ (с другими говорами и нормами татарского литературного языка, а также с тюркскими языками).

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: описательный для описания языковых единиц; сопоставительный для сопоставления диалектов с литературным языком и при необходимости с соседними родственными или другими языками, что позволяет выявить общее и специфическое; сравнительно-исторический для анализа собранного материала путем сравнения с другими говорами татарского языка, с другими тюркскими языками в целях установления их общности; при сборе фактического материала использованы полевой метод, принципы объективной обработки данных; а также метод сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили труды известных татарских языковедов-диалектологов Л. Т. Махмутовой (1978), Д. Б. Рамазановой (2021), Ф. Ю. Юсупова (2004; 2023), Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, Т. Х. Хайрутдиновой (2008), которые посвящены описанию лингвистических особенностей диалектов татарского языка, в том числе говоров Пензенской и Ульяновской областей. В результате многочисленных экспедиций коллективом диалектологов в места компактного проживания татар был собран богатый лингвистический материал и по западному диалекту, который представлен на картах «Атласа татарских народных говоров» (2015). Д. Б. Рамазанова акцентирует важность продолжения исследований диалектного языка в ареалогическом аспекте: «Выделение зон или ареалов, противопоставленных по определенным признакам остальному лингвистическому континuumу, имеет первостепенное значение прежде всего для исследований по исторической диалектологии татарского языка, этнолингвистике и этногенезу народа» (Атлас татарских народных говоров, 2015, с. 10).

Л. Т. Махмутова, которая была уроженкой Старокулаткинского района Ульяновской области, в своем труде отметила, что татары западного диалекта «повсюду живут в соседстве с другими тюрко- и нетюркоязычными народами; нередко встречаются села и со смешанным населением (мордвой, чувашами, русскими). Все это – общность территории, многовековые тесные культурно-экономические, политические связи мишарей с соседними народами – не могло не отразиться и на языках. Здесь шел интенсивный процесс взаимодействия на всех уровнях (или диалектах) и, прежде всего, в лексике» (1978, с. 3-4).

Важным аспектом исследования явилось также сравнение морфологических особенностей исследуемых говоров с другими тюркскими языками, что стало возможным благодаря трудам: а) М. И. Исламова (1972), где рассматривается употребление древних форм личных местоимений в диалектах азербайджанского языка; б) Ф. Г. Исакова, А. А. Пальмбаха (1961), где излагается грамматика тувинского языка; в) Х. Гансух (2009), М. В. Бавуу-Сюрюн (2018), посвященным изучению говоров тувинского языка.

Кроме того, учитывались работы Н. Г. Зайцевой (2020), Л. Л. Карповой (2017), в которых представлены: а) примеры лингвистических маркеров, позволяющих очертить ареалы диалектных явлений; б) анализ морфологических маркеров (нижнечепецкого диалекта удмуртского языка).

Данное исследование написано на основе материалов, собранных автором во время комплексных экспедиций на территории распространения кузнецкого, темниковского, хвалынского, мелекесского и карсунского говоров (2017, 2019 гг.), в том числе диалектных материалов прошлых лет, и трудов вышеперечисленных ученых.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в диалектологических, ареальных исследованиях, в лингвистических описаниях говоров, а также в преподавании курсов диалектологии, истории татарского литературного языка.

Обсуждение и результаты

Грамматические категории частей речи и их функционирование в говорах Пензенской и Ульяновской областей, в основном, совпадают с морфологическим строем литературного языка; вместе с тем в них зафиксированы следующие отличительные черты:

1. Личное местоимение 1-го л. ед. ч. *мин* в родительном падеже имеет формы: *минең* / *минен* «мой» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Б.). Ср.: литературная норма *минем* (*мин* + аффикс *-нең*). Например: *Минең нәнәй* (литер. эни) *биг оста пешерә* (с. Татарские Горенки Карсунского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Моя мама хорошо готовит». *Минең үдә әл дә ничем бар* (с. Атлаш Старокулаткинского района Ульяновской области, 2017 г.). / «В моем доме и сейчас печка имеется». *Күлләр күп булган, вата минен авыл уртасында Йындырка атлысы* (с. Индерка Сосновоборского района Пензенской области, 2019 г.). / «Озер было очень много, вот одно посередине моей деревни с названием Индерка». Вариант *минең* зафиксирован в памятниках старотатарской и древнетюркской письменности; встречается и в других говорах западного диалекта. В среднем диалекте особенно распространен в Приуральском регионе. Аффикс *-ең* встречается во многих тюркских языках и соответствует их литературной норме. Например, местоимение 1-го л. ед. ч. *мин* в родительном падеже имеет формы: в тувинском языке – *теей*; в туркменском, казахском, уйгурском языках – *тепий* и т. д. Например: *Тойға менің достарым да келді* (на казахском языке). / «На свадьбу мои друзья тоже приехали». *Харлыг хөө Хара даг – гажанга-да и = зе мээң джерим* (на тувинском языке). / «Заснеженная вершина Хара-даг – всегда моя земля» (Бавуу-Сюрюн, 2018, с. 190).

М. И. Исламов (1972), анализируя древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка, приходит к выводу, что употребление аффикса *-ий* (*-ең*) вместо аффикса *-ит* (*-ем*) – это реликтовое языковое явление.

2. Употребление в речи жителей данных областей таких уникальных лексических наречий, как *койты* – литер. начар «плохо», *тенә* – литер. кичә «вчера», *йурап* – литер. юри «нарочно», *мәңгедән* – бик күптән «очень давно», *иртәгәдән соңга* – литер. берсе көнгә «послезавтра» и др. Например: *Ул урамда ул тенә йүк* (с. Мордово-Озеро Мелекесского района Ульяновской области, 2017 г.). / «На той улице со вчерашнего дня нет света». *Бездә дә мәңгедән йымырка әзерләү бар иде, суган кабыгына буйалган* (с. Карновар Неверкинского района Пензенской области, 2019 г.). / «У нас тоже с очень давних пор была традиция готовить яйца, покрашенные луковой шелухой» (Булатова, 2024, с. 31). *Иртәгәдән соңга оланнарым килүгә, мешке бәләш и кыйыкча пешереп куйырмам – алар аны йарата* (с. Малый Труев Неверкинского района Пензенской области, 2019 г.). / «Послезавтра к приезду детей приготовлю творожный пирог и хворост – они их любят».

3. Отрицательная форма деепричастий на *-ып*, *-а*, *-ә*, *-й* в исследуемых говорах маркируется показателями *-мыйнчы* / *-минче*, *-мыйынчы* / *-мийенче*, *-минча(к)* / *-минчә(к)*, *-мыйчы* / *-миче*, *-мыйча* / *-мича* (*мичә*), *-мыйынча* / *-мийенчә*, *-мийнча* / *-минчә*. Ср.: литературная форма *-мый* / *-ми*, *-мыйча* / *-мичә*. Примеры: *Сыраминче* (литер. сорамайыча) *китә иде үенә* (с. Индерка Сосновоборского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Уходила домой, не отпрашиваясь». *Йаңгыр булминчак үләннәр чыкмады* (с. Карновар Неверкинского района Пензенской области, 2019 г.). / «Пока дождь не прошел, трава не выросла». *Ап-авыр саласка тартып бардык, йул буйы сүләшмиче бардык, ди* (с. Зимницы Старокулаткинского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Говорит, что всю дорогу, не разговаривая, тянули тяжелые санки». *Оланнары картук казырга тытындылар, атакай-нәнәйләренен* (литер. эти-эниләренен) *кайтуын кетмийенчә* (с. Нагаево Карсунского района Ульяновской области, 2017 г.). / «(Их) дети начали выкапывать картошку, не дожидаясь приезда родителей». *Син безгә хут дүрт йактан кил, авылнын эстенә йетмичәк, авылыбыз күрәнми* (с. Татарская Пенделка Кузнецкого района Пензенской области, 2019 г.). / «Ты хоть с любой стороны подходи к деревне, пока не приблизишься, ее не увидишь».

Отрицательная форма деепричастия *-майынча* / *-мәйенчә*, характерная для старотатарского литературного языка, встречается и в других татарских говорах среднего и западного диалектов, но в разных фонетических вариантах (*-майынса* / *-мәйенсә*, *-майынцы* / *-мәйенце* и т. д.). В восточном (сибирско-татарском) диалекте она сохранилась в форме *-майын*, *-мыйн*, *-мин*: *Күрешәс килмәйен* (литер. килмичә) *тороп йөгәрде*. / «Он убежал, не желая встречаться с соседкой».

В основе приведенных фонетических и фонетико-морфологических вариантов лежит общий смешанный аффикс *-май* / *-мый*, *-мәй* / *-мий* (орф. *-ми*), образованный прибавлением деепричастного аффикса *-й* к аффиксу глагольного отрицания на *-ма*, *-мә*: *бар* + *ма* + *й*, *бар* + *мы* + *й*, *кил* + *мә* + *й*, *кил* + *ми* + *й*. Как известно, данный аффикс исторически образует отрицательную форму деепричастия на *-а*, *-ә*, *-й*. В дальнейшем, как и во многих тюркских языках, он стал общим аффиксом для образования отрицательной формы на *-ып* (Юсупов, 2004).

Форма *-майын* / *-мәйен* с разными фонетическими вариантами характерна для узбекского, тувинского, карачаево-балкарского, диалектов туркменского и других языков. Например, в тувинском языке отрицательная форма слитного деепричастия образуется так же, путем присоединения отрицательной формы «аффикса *-ын* (беглый узкий гласный последнего на письме не обозначается): *-майн* / *-мейн* / *-вайн* / *-вейн* / *-байн* / *-бейн*: *олур-а* «сидя» – *олур-ба-й-н* «не сидя», *кел-е* «приходя» – *кел-бе-й-н* «не приходя», *бода-й* «думая» – *бода-ва-й-н* «не думая», *көрн-ү* «оглядываясь» – *көрүн-ме-й-н* «не оглядываясь», *сакт-ы* («сагын-ы») «вспоминающая» – *сагын-ма-й-н* «не вспоминающая» и др.» (Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 326).

4. Усиление или смягчение оттенков значения повелительного склонения достигается различными путями: повторением (*бар-бар* «иди-иди»), комбинацией с постпозитивными сочетаниями *-чы* / *-че*, *әле*, *инде*, препозитивными частицами *ада*, *әдә*, *әдәгез* – литер. әйдә, әйдәгез «давай(те)», или словами типа *зинһар* «пожалуйста», *бак* «смотри» и т. д. Например: *Карновар йаклап йаңгыр килә, бар-бар, элгер ызбаңа* (с. Мансуровка Неверкинского района Пензенской области, 2019 г.). / «Со стороны деревни Карновар дождь идет, иди-иди, поторопись забежать (к себе) домой». *Әдәгез, оланнар, бергаләп малан* (литер. балан), *мәләшләрне* (миләшләрне) *жыйып куйабыз* (с. Новый Мостяк Старокулаткинского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Давайте, дети, вместе соберем калину и рябину».

В темниковском, кузнецком говорах, то есть на территории Пензенской области, также Мордовии, Нижегородской областей во 2-м лице повелительного наклонения употребляется форма **-гын / -ген, -кын / -кен**: *Алим, газетларны үгә алып керген* (с. Чулпан Пачелмского района Пензенской области, 2022 г.). / «Алим, занеси газеты в дом». Данная форма употребляется также в касимовском, сафакульском, заказанско-кряшенском говорах среднего диалекта, тевризском, тарском говорах восточного диалекта (Юсупов, 2004; 2023); встречается в стерлитамакском говоре западного диалекта, который распространен на юго-западной части Республики Башкортостан (Рамазанова, 2021): *Кулыңны йугын тизерэк*. / «Помой руки поскорее». Форма аффикса **-гын / -ген, -кын / -кен** выражает повеление, категорическое требование, употреблялась в древних письменных памятниках, присуща некоторым современным языкам (караимскому, уйгурскому, киргизскому, алтайскому и др.) (Махмутова, 1978).

5. Более активными послелогоми в рассматриваемом ареале являются такие, как **тике / тәкле / тәке; чике / чәке / чәкле** (ср.: литер. *тикле, чаклы*) «до», которые управляют дательным-направительным падежом. Они, как правило, выражают предел во времени и пространстве: *Әлдә кезгә тике күчүм* (с. Бикмосеевка Неверкинського района Пензенской области, 2019 г.). / «Пока еще до осени не буду переезжать». *Синең үгә чике килеп йитте* (с. Уразовка Карсунского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Дошел до твоего дома». *Караңгыга тәке барып йетергә элгердек* (с. Киришкино Старокулаткинского района Ульяновской области, 2017 г.). / «До вечера (мы) успели приехать». *Оланнар урамда кен ката караңгы тешкәнгә чәкле уйнарга йараттылар* (с. Аллагулова Мелекесского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Дети любили играть целый день на улице до самого вечера».

В других татарских говорах западного, среднего диалектов встречаются и такие варианты послелога *тикле / чаклы* «до»: например, в говорах южной части Башкортостана (стерлитамакский, курмантауский, тепекеевский говоры, белебеевский подговор мензелинского говора и др.) – *тиңне / тиңенте(н) / тиңелте / тиңке / тигелтен / тигетен; тиклек / тиклем / тәки; чик / чиңне / чәңне / саклы / чаклым / чаклык / чикле / сикле / чиклеге / чаклыгы* (Булатова, 2012, с. 268). Например, в тепекеевском говоре среднего диалекта: *Утәктәге туғаннарға саклы биг йырақ барасы түгел* (с. Инзелга Гафурийского района Башкортостана, 2011 г.). / «До родственников, которые живут в с. Утяково, ехать недолго». В томском говоре восточного диалекта употребляется послелог *цақ*: *Монн цақ үскәнентә тәре тип қорота тоған қысыл тамырны* (Баязитова, Рамазанова, Хайрутдинова, 2008, к. II, с. 356). / «Когда вырастает до такой высоты, амарант сушат как лекарственное средство».

Данные послелоги выражают значение сравнения, уподобления по количеству, также по величине и размеру.

В нескольких татарских населенных пунктах Пензенской области зафиксирован также послелог **чәре** (литературная форма *кадар, чаклы, хәтле*) «до», который выражает пространственные и временные отношения. Например: *Туганыннан үскәнә чәре бездә торды* (с. Кобылкино Каменского района Пензенской области, 1960 г.). / «Она со дня рождения до того, как стала взрослой, жила у нас». *Йаз башына чәре эшләп өлгерт* (с. Альмяшевка Сосновоборского района Пензенской области, 2019 г.). / «Успей доделать до весны». *Безнең кабак эскә чәре килгәннәр* (с. Кутеевка Белинского района Пензенской области, 1960 г.). / «Они, оказывается, дошли до наших ворот» (Махмутова, 1978, с. 229). В основном послелог *чәре* с аналогом *тәре* распространен в населенных пунктах Кикино, Кобылкино Каменского района и Кутеевка Белинского района Пензенской области (Атлас татарских народных говоров, 2015).

Послелог *чәре* сопоставим с послелогоми карачаево-балкарского языка *дери*, караимского *деря / дере, дери*, чувашского *тери*, хакасского *теере*, якутского языков *диэри* «до» и др., которые, как принято считать в тюркологии, восходят к древнетюркской глагольной основе *teg-* «касаться», «достигать». Л. Т. Махмутова считает, что здесь, видимо, имеет место соответствие *t ~ ч*; также она полагает, что *чәре < чи + -ре < чик + -ре*, где *чик* «граница» + *ре* – аффикс направительного падежа. Переход [и] в [э] – это характерное явление для западного (мишарского) диалекта: *чике ~ чәке, тике ~ тәке*, а также *бик ~ бәк, ник ~ нәк* и др. (Махмутова, 1978).

Сравним, в тувинском языке имеется послелог *чедир* «до» (при указании расстояния, времени, предела), который схож с послелогом *чәре* (западный диалект татарского языка) и его татарским литературным эквивалентом *кадар* «до». Приведем пример: *Хоорайга чедир* «до города», *эртенге чедир* «до утра». *Залга муң чедир кичи сыңар*. / «В зал вмещается до тысячи человек» (ср.: *чет* – «достигать», «доходить») (Исхаков, Пальмбах, 1961).

6. В исследуемых говорах послелог **була** «из-за, ради» (деепричастная форма на *-а* от глагола *бул-* «быть, стать») выражает цель, причину и совпадает по значению с послелогом *өчен* «для, за, ради». В литературном языке он отсутствует. Примеры: *Әбкасына була гына жийылганар* (с. Аллагулова Мелекесского района Ульяновской области, 2017 г.). / «Собрались только ради своей бабушки». *Картукка була килә ул* (с. Алеево Неверкинського района Пензенской области, 2019 г.). / «Он придет за картошкой (буквально ради картошки)».

Послелог *була* с разными фонетическими вариантами употребляется и в других языках или их диалектах. Например, в цэнгальском говоре алтайского диалекта тувинского языка: *Тивидинге бола вишкүнү көвей өскүрүп алган*. / «Коз выразили в большом количестве ради пуха» (Гансук, 2009, с. 15). То есть послелог *бола* в значении «за, ради, для, по причине» тоже соответствует литературному тувинскому эквиваленту *ужун* (Бавуу-Сюрюн, 2018).

Таковы некоторые общие и отличительные явления говоров западного диалекта исследуемого ареала от других говоров и диалектов татарского языка в области морфологии.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. По ведущим лингвистическим признакам хвалынский, карсунский, мелекесский, кузнецкий и темниковский говоры, распространенные в Пензенской и Ульяновской областях, относятся к западному диалекту татарского языка. Морфологический строй данных говоров

очень близок к морфологическому строю литературного языка. Различия между ними сводятся в основном к сохранению в говорах форм, которые были характерны для древних письменных памятников, старотатарского литературного языка (например, форма повелительного наклонения *-гын / -ген* и др.).

Некоторые морфологические особенности, маркирующие говоры исследуемого ареала, встречаются и в других татарских говорах западного, среднего и восточного диалектов, но в разных фонетических вариантах (например, литер. *чаклы* «до» в западном диалекте – *чике*, среднем – *чәңне / сақлы*, восточном – *цақ* и т. д.).

Западный диалект татарского языка в основе своей является кипчакским и в преобладающих особенностях обнаруживает большую близость с караимским, карачаево-балкарским и другими языками. Сопоставление с иными тюркскими языками и их диалектами показало, что наши древние корни едины (например, общие с тувинскими говорами особенности: отрицательная форма деепричастия на *-майн*, послелог *була / бола* в значении *очен* «ради» и т. д.).

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в продолжении изучения диалектов татарского языка в синхронно-диахронном и ареальном аспектах.

Источники | References

1. Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хайрутдинова. Изд-е 2-е, доп. и перераб. Казань: ИЯЛИ, 2015.
2. Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: дисс. ... д. филол. н. Новосибирск, 2018.
3. Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Хайрутдинова Т. Х. Татар халык сөйләшләре: ике китапта. Казан: Мәгариф, 2008. I китап. II китап.
4. Булатова М. Р. Именные части речи в кузнецком говоре татарского языка (на материале научной экспедиции) // Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки: материалы IV Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2024.
5. Булатова М. Р. Послелог татарского диалектного языка в ареале «Южный Башкортостан» // Вестник Чувашского университета: Гуманитарные науки. 2012. № 2.
6. Гансук Х. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2009.
7. Зайцева Н. Г. К генезису маркеров вепских диалектных ареалов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 3. № 16.
8. Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка // Советская тюркология. 1972. № 3.
9. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Восточная литература, 1961.
10. Карпова Л. Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 1.
11. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.
12. Рамазанова Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана. Изд-е 2-е. Казань: ИЯЛИ, 2021.
13. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования: историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002.
14. Юсупов Ф. Ю. Казан татарлары шивәсе. Казан: Тат. кит нәшр., 2023.
15. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. Казань: Фэн, 2004.

Информация об авторах | Author information

Булатова Миннира Рахимовна¹, к. филол. н.

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Minnira Rakhimovna Bulatova¹, PhD

¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, Kazan

¹ m.r.bulatova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.04.2025; опубликовано online (published online): 29.05.2025.

Ключевые слова (keywords): ареальная лингвистика; тюркские языки; западный диалект татарского языка; диалектная морфология; маркеры морфологических категорий; areal linguistics; Turkic languages; Western dialect of the Tatar language; dialectal morphology; markers of morphological categories.